УДК 811.161.1

Н.А. Волкова, Г.Н. Межецкая

ДИАГНОСТИРУЮЩИЕ ТИПЫ ПРЕДУДАРНОГО ВОКАЛИЗМА В ЕЛЕЦКИХ ГОВОРАХ: СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ, ТЕНДЕНЦИИ

Статья посвящена исследованию безударного вокализма южнорусских говоров. Авторы анализируют гласные первого предударного слога после мягких согласных в елецких говорах. Результаты исследования позволяют уточнить данные о функционировании различных моделей вокализма в отдельном регионе.

Ассимилятивно-диссимилятивное яканье, вокализм, предударный вокализм, говоры.

The article is devoted to the research of soft vocalism of South Russian dialects. Vowels of the first pretonic syllable after soft consonants in elets dialects are analyzed in the article. The results of the research allow to obtain the data concerning the function of different types of vocalism in a separate region.

Assimilative-dissimilative yakanye, vocalism, pretonic vocalism, dialects.

Елецкие говоры функционируют на территории Елецкого района Липецкой области и, согласно диалектному членению (см. [5]), относятся к межзональной группе Б южнорусского наречия. В 2008 – 2010 гг. авторами статьи было проведено исследование вокализма первого предударного слога после мягких согласных в говорах десяти населенных пунктов района.

Диалектные особенности говоров формировались на протяжении длительного периода под воздействием сложных процессов, обусловленных историей заселения края. Елецкие говоры неоднородны: они складывались из однодворческих говоров и говоров помещичьих крестьян. Современные модели безударного вокализма имеют в своей основе то разнообразие типов, которое характеризует каждую этнографическую группу, заселявшую Елецкие земли.

Характеризуя предударный вокализм елецких говоров, обычно говорят о так называемой «чересполосице»: здесь функционируют разнообразные модели вокализма первого предударного слога, причем эти модели могут различаться в говорах соседствующих населенных пунктов. Несомненно, на специфику елецких говоров оказало влияние их межзональное расположение, соседство с говорами других групп южнорусского наречия – воронежскими, орловскими, тульскими, рязанскими, курскими. В языковом комплексе идиома представлены черты южной и юго-восточной зон, а также черты Курско-Орловской и Восточной групп говоров. И.А. Бунин, который провел в Ельце несколько лет, представляя в своих произведениях елецкую деревню, писал о языке своей матери в «Автобиографической заметке», отмечая его особенности, как о языке, «в котором, благодаря географическим условиям, слилось и претворилось столько наречий и говоров чуть не со всех концов Руси» [2, с. 256].

Проведенное нами исследование показывает, что в настоящее время в говорах представлены различные модели вокализма первого предударного слога после мягких согласных: умеренно-диссимилятивное яканье, ассимилятивно-диссимилятивное яканье, умеренное яканье и иканье.

По нашим данным, в пяти из десяти обследованных населенных пунктов функционирует ассимилятивно-диссимилятивное яканье: в д. Аксенкино, д. Белевец, с. Большие Извалы, с. Казаки, д. Малые Извалы. Хотелось бы отметить, что территориально эти населенные пункты не образуют единого пространства: они расположены в различных частях района: д. Аксенкино и с. Казаки находятся северо-западнее Ельца; д. Белевец – на севере от районного центра; с. Большие Извалы и д. Малые Извалы расположены к юго-востоку от Ельца. В данном случае условно можно говорить о северных и южных говорах Елецкого района.

Изучение этнографических работ, а также свидетельства местных жителей помогли установить, что раньше большую часть населения здесь составляли однодворцы. В начале XVII века основана д. Белевец, полностью однодворческое селение [14, л. 1 – 1847]. В конце XVII века появляются села Казаки и Аксенкино, которые заселяли казаки и однодворцы [4]. Большую часть населения составляли однодворцы в Извалах, которые также появились в конце XVII – начале XVIII вв.

Ассимилятивно-диссимилятивное яканье основано на сочетании ассимилятивно-диссимилятивных моделей перед твердыми и перед мягкими согласными. Ассимилятивность заключается в зависимости гласного первого предударного слога от качества гласной фонемы под ударением.

Как показывает иллюстративный материал, принцип ассимилятивности при ударном гласном [а] в елецких говорах характеризуется сочетанием с принципом диссимилятивности при других ударных гласных. Гласный нижнего подъема реализуется также перед ударными [и], [ы], [у], [о] из [ô] и [о] из [о], [е] из [ê]: *к’ип’ат’úм, н’ас’ú, п’ит’ары́х, цв’аты́, р’иб’ат’úшк’и, у с’астры́*; *б’ару́, н’а ку́р’а, н’а ну́жны, п’аку́, р’аку́*; *в’адро́, зэ ст’ано́й, н’а мо́жа, с’ало́, з’арно́*; *п’аццо́т, с’ад’мо́м, св’акро́ф’, ч’ир’аз до́м, ч’асно́к, яво́*; *с’астр’е́, в’ал’е́л’и, н’ад’е́л’а, св’аже́ја*; *б’ада́, вэс’амна́ццэт’, н’ада́внэ, л’ака́рствэ, с’астра́*. Перед ударным [е] ([́о]) из исконного [е] произносится [и]: *д’ир’е́вн’а, у*

д'ир'éвн'и, д'ит'éй, п'ик'éм, б'ир'éм, пэ-н'им'éцк'и, н'и п'jé.

В табл. 1 представлены данные о характере отношений в предударной позиции.

Таблица 1

Ассимилятивно-диссимилятивное яканье в елецких говорах

	Перед твердыми согласными					Перед мягкими согласными					
Гласный под ударением	**а**	**о**	**ô**	**ы**	**у**	**а**	**о**	**е**	**ê**	**и**	**у**
Гласный в 1-м предударном слоге	**а**					**а**	**и**		**а**		

Такие позиционные условия характерны для новоселковского типа ассимилятивно-диссимилятивного яканья. Материалы «Диалектологического атласа русского языка» [3, карта № 8] свидетельствуют о распространенности ассимилятивно-диссимилятивного яканья новоселковского типа только на северной территории района. Наши данные позволяют уточнить сведения ДАРЯ: география этой модели более обширна – северо-запад, север и юго-восток Елецкого района.

Согласно мнению К.Ф. Захаровой, которая исследовала синхронную систему ассимилятивно-диссимилятивного яканья в различных южных говорах, в том числе и в говорах Липецкой области, в середине двадцатого столетия, «первое, что бросается в глаза, – это то, что нет «чистых» типов, как они обычно определяются в теоретических и хрестоматийных работах, т.е. нет таких типов ассимилятивно-диссимилятивного яканья, которые бы не имели нарушений, отступлений от принятых для каждого типа правил. …При этом характер отступлений показывает, что они не случайны, так как небезразличны к категориям слов, в которых они появляются. Следовательно, эти «отступления» по сути являются не отступлениями произношения, а элементами самой системы, без которых само ее существование невозможно» [6, с. 34].

Как показывает анализ, в обследованных говорах отступления от ассимилятивно-диссимилятивной модели встречаются спорадически в определенной группе слов.

Перед твердыми согласными [и] отмечено: в числительных – *ч'итыр'и*; в местоимениях – *йимý, н'ич'ивó, йивó*; в словах, пришедших в говор из литературного языка, – *инст'итýт, мэст'ирскýjа, т'ил'ихвóн, т'ихнóлыуэм, б'итóн, в'ит'ирáнэф*; в приставке *пере- – п'ир'ипáх'ивэл'и, п'ир'имójу*; в традиционной лексике – *дэл'икó; с Йил'цá, д'иржáлс'и; б'иýт'*.

Перед ударным [а] в двух словоформах *ап'ерá'цыjа, пэ инт'ернáту* представлен звукотип [е]. Возможно, этот факт является позитивной для говора тенденцией, когда диалектоноситель стремится «приспособить» новые слова к традиционным произносительным нормам, либо его можно рассматривать как стремление говорящего следовать орфографической норме при освоении иноязычных лексем.

Перед мягкими согласными: в числительных – *д'ив'áтай, п'ис'áт, п'ит'с'áт*; в местоимениях – *м'ин'é, с'иб'é, т'иб'é*; в проклитиках и приставках – *дл'и с'иб'é, н'и д'élэл'и, п'ир'иб'úл'и*; в заимствованной лексике – *ин'т'ир'éснэ*; в других словах – *адд'ил'úл'и, н'ив'éскэ, т'ирп'éн'jа, у с'ил'é, н'ид'él'у, пэн'ид'él'н'ик, с'им'ил'éткэ, у с'истр'é, р'иб'áтэ, д'ит'áм*.

В изучаемых говорах отмечен гласный [ạ] с несколько повышенной артикуляцией перед ударными [и] и [а]. Этот факт, на наш взгляд, нужно рассматривать как зависимость артикуляции гласного от консонантного окружения: гласный незначительно меняет свое качество в позиции между мягкими согласными.

У некоторых информантов наблюдаются более древние формы произношения личных местоимений в дат. п.: древнерусские формы *тобѣ, собѣ* под влиянием аканья приобрели форму *табé, сабé*.

Перед ударным [е] ([ˊо]) из [е] встречается гласный [а] в словоформах *пр'ив'аз'é, кэб'ал'óч'ик, т'ал'óнкэф, з'ат'jóф*. Следует отметить, что такие отклонения при новоселковском типе яканья наблюдаются и в других говорах. Можно предположить, что отклонения типа *кэб'ал'óч'ик, з'ат'jóф, т'ал'óнкэф* появляются не фонетическим путем, а как результат аналогических образований с твердым согласным: *т'ал'óнкэф* от *т'алóк*; в словах *кэб'ал'óч'ик, з'ат'jóф* – по аналогии с *кэб'ал'óк, з'ат'óк*, а в этих словах гласный [а] появился по принципу *т'алóк*.

Отклонения в лексико-морфологической группе слов, которая представляет собой личные формы глаголов с постоянным ударением на окончании (типа *пр'ив'аз'é*) также возможны при новоселковском типе ассимилятивно-диссимилятивного яканья. Специфика этой группы состоит в том, что в зависимости от ударного гласного в предударном слоге может быть фонетическое чередование [а] – [и]. Это чередование «при утрате фонетической закономерности легко может исчезнуть под влиянием процесса подравнивания основ» [6, с. 24]. Например: *пр'ив'азý – пр'ив'аз'é*.

Известно, что в предлогах, приставках и отрицаниях может наблюдаться не зависящее от того или иного типа диссимилятивного яканья обобщение одного из двух гласных – *а* или *и* [6, с. 12]. Примечательно, что в обследованных говорах представлена единая система предударного вокализма как в значимых словах, так и в проклитиках.

В положении перед отвердевшими шипящими преобладающим является произношение [а] на месте гласных неверхнего подъема. Перед ударным [у] – *пэул'ажý, в'ажý, ул'ажý, ни бр'ашý;* перед ударным [и] и [ы] – *л'ажы́т', пр'иб'ажы́т'; п'ир'ашл'ú ;* перед ударным [о] из [о] – *м'ашкóф, п'аццóт, п'ашкóм;* перед ударным [е] – *пэд'ашэ́вл'и, св'ажэ́jа;* перед ударным [а] – *аб'ажájут', пр'ijажжájут', п'ир'ашлá, д'аржáл'и, в'ажжáт'*.

Отклонения появляются, главным образом, в положении перед ударным [о] из [о] в лексемах *т'ижóлыйи, п'иццóт, ишшó*, которые встречаются во многих говорах, и эти случаи можно рассматривать как случаи лексикализации.

В целом же в этом положении в исследуемом говоре отвердевшие шипящие ведут себя как твердые фонемы.

Положение предударного гласного после отвердевших шипящих и *ц* репрезентирует следующие отношения между ударным и предударным гласными: [а] в большинстве случаев произносится перед ударными [и] и [ы] – *пəлцаны́; пашан'ú́цу, у жаны́, н'и цан'ú́л'и, ржаны́ja;* перед ударным [о] из [ô] – *т'ижалó, шастóвə, бəл'шанствó*; перед ударным [о] из [о] – *шастóй/ шаштóй* (м.р.); перед ударным [е] из [ê] – *жал'ém', жан'é;* перед ударным [а] и [‘а]: *цанá, цапл'á́л'ис', нə ləшад'á́х, шашнáццэт', жанá, жанáтəй, ф шалкáх, бушавáл, цапáм'и*. Перед ударным [е] (΄о) из [е] слышится [ы]: *ləшыд'éй жыв'ém', жыв'éм, уцын'óннай*.

На основании имеющегося материала можно сказать, что в говорах вокализм после отвердевших шипящих соответствует общей организации вокализма первого предударного слога после мягких согласных. Принцип диссимиляции действует в положении перед ударными [и], [ы], [е], [о], в положении перед ударным [а] произносится преимущественно [а].

Вопрос о происхождении новоселковского типа до сих пор считается неразрешенным. Р.И. Аванесов считал: «Основой ассимилятивно-диссимилятивного яканья новоселковского типа является щигровский тип диссимилятивного яканья, на который наслоилась ассимилятивность» [1, с. 90]. С.И. Котков также отмечал по этому поводу: «Трактуем его как вариант, возникший на базе щигровского типа диссимилятивного яканья, допуская в прошлом распространение последнего несколько далее на север и восток, чем это показано старой картой» [12, с. 81]. Исследование А.К. Колесниченко [11] позволило ей предположить этапы последовательного развития яканья в елецких говорах: от задонского архаического типа к щигровскому, от щигровского к умеренно-диссимилятивному и от умеренно-диссимилятивного к ассимилятивно-диссимилятивному новоселковского типа.

Предположение о возможности образования типов ассимилятивно-диссимилятивного яканья на основе различных типов диссимилятивного яканья, их генетическое родство, вызывает сомнение у некоторых ученых. Так, К.Ф. Захарова показала, например, что новоселковское ассимилятивно-диссимилятивное яканье и щигровское диссимилятивное яканье типологически и генетически различны. Общей чертой для этих типов является только закономерность произношения [а] или [и] перед ударными гласными [ê] и [е] (['о]). Ученый считает, что можно говорить лишь о сходстве этих типов яканья. Основными причинами, по которым нельзя рассматривать щигровский тип как основу новоселковского, по мнению исследователя, являются следующие: во-первых, наличие семифонемного вокализма при новоселковском типе и пятифонемного вокализма при щигровском типе; во-вторых, возможность лексикализации и грамматикализации произношения [и] в ряде слов и словоформ перед ударным *о* после твердых согласных (например, *св*[и]*кровь*) и перед *о* после мягких и шипящих согласных (типа *м*[и]*шок*) при щигровском типе и отсутствие такой возможности при новоселковском типе; в-третьих, сохранение под ударением *е* перед твердыми согласными при новоселковском типе и переход *е* в *о* при щигровском типе; в-четвертых, наличие на месте гласных неверхнего подъема гласного [и] перед ударным *а* при щигровском типе исключает возможность фонетического процесса ассимиляции, поскольку такой процесс привел бы к изменению в [а] не только [и] на месте гласных неверхнего подъема, но и на месте [и].

К.Ф. Захарова считает, что новоселковское ассимилятивно-диссимилятивное яканье развилось непосредственно из архаического яканья в результате утраты «действия фонетического закона диссимилятивного вокализма», и это процесс не был «собственно ассимиляцией». Однако автор не указывает причин, обусловивших трансформацию диссимилятивного яканья архаического типа в новоселковское ассимилятивно-диссимилятивное яканье [7, с. 49 – 63].

Р.Ф. Касаткина и Д.М. Савинов на основании новых данных о развитии предударного вокализма в южнорусских говорах показывают более детально механизм образования новоселковского ассимилятивно-диссимилятивного типа из задонского архаического яканья. По мнению ученых, сначала развивается ассимиляция гласных первого предударного слога ударным гласным средне-нижнего и нижнего подъемов [ɔ] и [а]. В результате в первом предударном слоге на месте фонем неверхнего подъема начинают употребляться не две, а три звуковые единицы: после твердых согласных – [ā] перед *и, ы, у, ω,* ѣ; [ą̄] перед *а*; [ə] перед *о, 'о, е, 'а*; после мягких – [ā] перед *и, ы, у, ω,* ѣ; [æ] перед *о, а*; [е] перед *'о, е, 'а*. Очевидно, что прежде всего ассимиляции подвергаются гласные перед ударным *а*, а затем перед *о* –после понижения артикуляции дифтонга [оў] до [o͡ɔ] или [ɔ͡о] и постепенной его монофтонгизацией до [ɔ]. По-видимому, со временем гласный [ą̄] после твердых согласных распространяется также перед ударным [ɔ], то есть возникает система умеренно-диссимилятивного аканья и яканья.

Переходу [ə] и [е] в [а] перед ударным *'а* мешает дифтонгическое образование последнего. Только после монофтонгизации [еа͡] начинается распространение [а] перед ударным *'а*, которое совпадает с изменением системы корреляций от [а] – не-[а] к [и] – не-[и]. Формирование противопоставления [и] – не-[и] приводит к фонологизации противопоставления [и] – [а] и к утрате фонетической зависимости гласного первого предударного слога от ударного гласного. Кроме того, звуки [ə], [æ], [ą̄] функционально объединяются с [а] и начинают противопоставляться гласным неверхнего подъема. Таким образом, диссимиляция перед ударными *о* и *а* исчезает в принципе (см. [9, с. 405], [15, с. 192 – 193]).

Придерживаясь взглядов Р.Ф. Касаткиной и Д.М. Савинова, мы считаем, что новоселковское ассимилятивно-диссимилятивное яканье в елецких говорах могло развиться из архаического яканья. Елецкие говоры соседствуют с говорами, в которых наблюдается задонский архаический тип яканья [16]. Они также расположены сравнительно недалеко от Хлевенского района, где Р.Ф. Касаткиной и Е.В. Щигель были обнаружены говоры, в которых наблюдается первая ступень перехода от задонского архаического яканья к ассимилятивно-диссимилятивному [10, с. 295 – 309].

Хотелось бы отметить, что ученые рассматривают ассимиляцию как проявление вокальной гармонии. По мнению Л.Э. Калнынь, каждое изменение, происходящее в пределах звуковой последовательности, имеет своей целью произносительное удобство – фонетическое изменение в принципе не может стремиться к затруднению произношения. Она сформулировала преобладающую тенденцию в фонетике русского языка и его диалектов следующим образом: «… в фонетическом слове программируются фонетические изменения, обусловленные контактной и дистактной связями между звуками» [8, с. 12]. Слово организуется преимущественно по правилам дистактных связей. Они могут иметь расподобляющий и уподобляющий характер. Случаи, когда предударный гласный полностью или частично уподобляется последующему гласному, Р.Ф. Пауфошима объясняет «стремлением говорящих к преодолению артикуляционных трудностей – при таком произношении несколько отдельных слогов образуют единую артикуляционную программу» [13, с. 43 – 47].

Литература

1. *Аванесов, Р.И.* Очерки русской диалектологии. Ч. I / Р.И. Аванесов. – М., 1949.

2. *Бунин И.А.* Автобиографическая заметка / И.А. Бунин // Собр. соч. – М., 1967. – Т. 9. – С. 253 – 266.

3. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Выпуск I. Фонетика. – М., 1986.

4. *Заусайлов, В.А.* Село Казаки Казацкой волости Елецкого уезда. Серия «Наше наследие» / В.А. Заусайлов. – Елец, 2008.

5. *Захарова, К.Ф.* Диалектное членение русского языка / К.Ф. Захарова, В.Г. Орлова. – М., 1970.

6. *Захарова, К.Ф.* Ассимилятивно-диссимилятивное яканье по данным «Атласа русских говоров к югу от Москвы» / К.Ф. Захарова // Русские говоры. – М., 1975. – С. 19 – 40.

7. *Захарова, К.Ф.* К вопросу о генетической основе типов ассимилятивно-диссимилятивного яканья / К.Ф. Захарова // Диалектологические исследования по русскому языку. – М., 1977. – С. 49 – 63.

8. *Калнынь, Л.Э.* Фонетическая программа слова как пространство фонетических изменений в славянских диалектах / Л.Э. Калнынь. – М., 2001.

9. *Касаткина, Р.Ф.* Еще раз к истории развития ассимилятивно-диссимилятивного вокализма в южнорусских говорах / Р.Ф. Касаткина, Д.М. Савинов // Проблемы фонетики. – М., 2007. – Ч. V. – С. 395 – 407.

10. *Касаткина, Р.Ф.* Ассимилятивно-диссимилятивное аканье / Р.Ф. Касаткина, Е.В. Щигель // Проблемы фонетики / отв. ред. Л.Л. Касаткин. – М., 1995. – Ч. II. – С. 295 – 309.

11. *Колесниченко, А.К.* Говоры западной части Елецкого района Липецкой области (фонетика и морфология): автореф. дис. … канд. филол. наук / А.К. Колесниченко. – Армавир, 1955.

12. *Котков, С.И.* Говоры Орловской области со стороны их вокализма / С.И. Котков // Ученые записки Орловского пед. ин-та. – Орел, 1951. – Т. V. – Вып. 2.

13. Просодический строй русской речи / Институт русского языка РАН. – М., 1996.

14. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф 1209. Поместный приказ. – Д. 132. – Л. 1 – 1847. 1628/30.

15. *Савинов, Д.М.* К вопросу о зависимости типов аканья и яканья от семифонемного вокализма / Д.М. Савинов // Материалы и исследования по русской диалектологии – М., 2008. – С. 182 – 191.

16. *Фомина Т.Г.* Вокализм акающего говора с архаическим диссимилятивным яканьем задонского типа (по экспериментальным данным): автореф. дис. … канд. филол. наук / Т.Г. Фомина. – Саратов, 1980.

УДК 168.522

Н.В. Володина

Л.С. ВЫГОТСКИЙ О РОЛИ КРИТИКИ В ВОСПРИЯТИИ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья рассматривает проблему «участия» критики в восприятии литературного произведения на материале работ Л.С. Выготского. Оценка критики в аспекте психологии искусства позволяет ученому выявить новые возможности этого научно-художественного дискурса.

Литературная критика, Л.С. Выготский, психология искусства.

The article considers the problem of criticism “participation” in the perception of a literary work based on L.S. Vygotskiy’s works.The evaluation of criticism in the aspect of art psychology allows a researcher to reveal the new possibilities of this scientific fictional discourse.

Literary criticism, L.S.Vygotskiy, art psychology.

Вопрос о назначении и возможностях литературной критики, казалось бы, давно решен литературоведением и зафиксирован в словарных дефинициях. Приведем в качестве примера одну из них: «Критика